

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-4-114-132

Мария Валерьевна КЕШНЕР

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Кремлевская ул., д. 18, Казань, 420008, Российская Федерация
mvkeshner@gmail.ru
ORCID: 0000-0003-3649-2206

Поступила в редакцию: 01.09.2019
Принята к публикации: 15.12.2019

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ В СИТУАЦИЯХ ПРАВОПРЕЕМСТВА В СВЕТЕ ПРОЕКТОВ СТАТЕЙ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ООН

ВВЕДЕНИЕ. В статье анализируется концепция правопреемства государств в отношении международной ответственности государств, ставшая предметом обсуждения Комиссии международного права ООН и подготовки соответствующего проекта статей. Исследуется методология рассмотрения темы на предмет обоснования идеи передаваемости прав и обязательств в контексте ответственности государств, имеющей в определенной степени противоречивый характер, обусловленный ограниченностью практики государств в этой сфере. В этой связи поднимаются вопросы относительно того, может ли новый проект решить проблему восполнения пробела между режимами правопреемства государств и ответственности государств.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье проведен анализ основных источников международного права, материалы работы Комиссии международного права ООН: доклады специального докладчика о правопреемстве государств в отношении ответственности государств, комментарии и

замечания государств, государственная практика, а также практика международных судов по рассматриваемой тематике. В ходе подготовки исследования использовались доктринальные труды зарубежных и российских специалистов в области международного публичного права. Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частноправовые методы познания (формально-юридический, сравнительно-правовой).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. На основе проведенного исследования аргументируется, что ключевой подход КМП – общая норма отсутствия правопреемства в отношении международной ответственности – не является абсолютной по своему характеру, но содержит потенциально конфликтные аспекты. Автор приходит к заключению, что концепция передаваемости прав и обязательств в контексте ответственности государств имеет в определенной степени противоречивый характер, обусловленный ограниченностью практики государств в этой сфере.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В настоящей статье обращается внимание на ряд проблемных аспектов положений проектов статей, принятых в предварительном порядке Редакционным комитетом КМП ООН, а также новых предлагаемых проектов статей в части регулирования особых категорий правопреемства государств в отношении обязательств, вытекающих из ответственности. Автор приходит к выводу, что нормы, формулируемые в рамках темы, должны учитывать сложный правовой режим ответственности государств за международно-противоправные деяния, отличающийся от иных режимов правопреемства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ответственность государств, правопреемство государств, закон-

ность правопреемства в отношении ответственности, общие нормы о правопреемстве государств в отношении ответственности государств, особые категории правопреемства государств в отношении обязательств, вытекающих из ответственности, делящиеся и завершенные правонарушения, присвоение поведения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кешнер М.В. 2019. Развитие концепции ответственности государств в ситуациях правопреемства в свете проектов статей Комиссии международного права ООН. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 114–132.

DOI: 10.24833/0869-0049-2019-4-114-132

RESPONSIBILITY IN INTERNATIONAL LAW

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-4-114-132

Maria V. KESHNER

Kazan Federal University

18, ul. Kremlevskaya, Kazan, Russian Federation, 420008

mvkeshner@gmail.ru

ORCID: 0000-0003-3649-2206

Received 1 September 2019

Approved 15 December 2019

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF STATE RESPONSIBILITY IN SUCCESSION SITUATIONS IN THE LIGHT OF DRAFT ARTICLES OF THE UN INTERNATIONAL LAW COMMISSION

INTRODUCTION. *The article considers the concept of a succession of states with regard to the responsibility of states, which has become the subject of discussion by the UN International Law Commission and the preparation of the relevant draft articles. The author studies the methodology of considering the*

topic with a view to substantiating the idea of transferability of rights and obligations in the context of the responsibility of states, which is to a certain extent contradictory, due to the limited practice of states in this area. In this regard, questions are raised as to whether the new project can solve the problem of fill-

ing the gap between the regimes of state succession and state responsibility.

MATERIALS AND METHODS. The author made a theoretical and empirical analysis of the main sources of international law, the materials of the work of the UN International Law Commission: reports of the special reporter on the succession of states regarding state responsibility, comments and observations of states, state practice, and the practice of international courts on the subject matter. Methodological foundation of research is composed by general scientific (analysis method, synthesis method, systems approach) and private-law methods of obtaining knowledge (formal legal, comparative legal).

RESEARCH RESULTS. Based on the study, it is argued that the key ILC approach – the general rule of the lack of succession in respect of international responsibility is not absolute in nature, also contains potentially conflicting aspects. The author comes to the conclusion that the concept of transferability of rights and obligations in the context of state responsibility is to a certain extent contradictory, due to the limited practice of states in this area.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. This article highlights a number of problematic aspects of the

draft articles provisionally adopted by the Drafting Committee of the United Nations International Law Commission, as well as the proposed new draft articles in the regulation of specific categories of succession of States in respect of the obligations arising from responsibility. The author concludes that the norms formulated under the theme should take into account the complex legal regime of state responsibility for internationally wrongful acts, which differs from other regimes of succession.

KEYWORDS: state responsibility, succession of states, legality of succession in relation to responsibility, general rules on succession of states in respect of state responsibility, special categories of state succession to obligations from responsibility, continuing and completed breaches, attribution of conduct

FOR CITATION: Keshner M.V. Development of the concept of state responsibility in succession situations in the light of draft articles of the UN International Law Commission. – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 4. P. 114–132. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-4-114-132

1. Введение

Вопрос о правопреемстве государств остается одним из «наиболее сложных в международном праве» [Eisemann 2000:17]. Отмеченная сложность обусловлена особенностями каждой ситуации, ее политическими аспектами, отношением третьих государств и фактором потенциальных расхождений в их толковании. Так, для исследования ситуации выхода как случая правопреемства, при котором государство-предшественник продолжает существовать, отпра-

ными примерами практики государств могут служить: распад Австро-Венгерской империи после Первой мировой войны¹; решения национальных судов, касающиеся отделения Польши², исключения из позиции ГДР в отношении Третьего рейха; практика в связи с распадом СССР³ и дело «О применении Конвенции о геноциде» (*Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*)⁴.

Вопрос о включении правопреемства в отношении международной ответственности за пра-

¹ Подробнее см.: [Dumberry 2007:145-146]. Отметим существование дискуссионной доктринальной оценки относительно прецедента Австрии, однако, как отмечает специальный докладчик КМП ООН, «в международных договорах послевоенного времени Австрия была признана ответственной за развязывание войны и причиненный ею ущерб. Такое положение содержится в статье 177 Сен-Жерменского мирного договора. Ту же позицию заняли Соединенные Штаты, заключившие с Австрией отдельный мирный договор в 1921 году». См.: International Law Commission: "Second report on succession of States in respect of State responsibility". 2018. Para 82. URL: <https://undocs.org/en/A/CN.4/719> (accessed date: 17.07.2019).

² Подробнее см.: [Dumberry 2005:429-430].

³ Подробнее см.: [Кремнев 2012; Crawford, 2013:452–453].

⁴ Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro). Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2007. Para. 76.

вонарушения в качестве одной из возможных тем рассмотрения в Комиссии международного права ООН (далее КМП ООН) развивался сложно. Предложение председателя подкомитета КМП по правопреемству государств и правительств Манфреда Лакса о включении темы в программу работы еще в 1963 году встретило существенное расхождение во мнениях относительно целесообразности, в связи с чем было принято решение о ее исключении из сферы охвата темы⁵.

В ходе работы над темой об ответственности государств за международные противоправные деяния Комиссия также не рассматривала ситуации, когда после совершения противоправного деяния происходит правопреемство государств. Как отмечает Дж. Кроуфорд, «статьи ARSIWA не дают ответа на вопрос, где или может ли государство-преемник заменить государство-предшественника в новых правовых отношениях (вторичных обязательствах или правах, в зависимости от обстоятельств), возникающих в результате совершенного международно-противоправного деяния, или при каких обстоятельствах государством-предшественником или другим государством против государства-предшественника» [The Law of... 2010:433].

Ожидаемо, что решение Комиссии заняться этой важной, но еще недостаточно изученной темой не встретило и в текущем периоде однородной позиции у государств. Ряд делегаций сослались на упомянутые предыдущие решения Комиссии не включать вопрос о правопреемстве в сферу применения Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее – Статьи об ответственности государств, ARSIWA)⁶. И все же на своей шестидесятой девятой сессии в мае 2017 года КМП ООН постановила включить тему «Правопреемство государств в отношении ответственности государств» в текущую программу работы и назначи-

ла г-на Павела Штурму специальным докладчиком. Ранее, в 2016 году, состоялось определение темы и включение в долгосрочную программу работы Комиссии соответственно⁷.

Следует отметить, что в 1998 году КМП сформулировала ряд критериев при выборе тем для долгосрочной программы работы: «Тема должна отражать потребности государств в отношении прогрессивного развития и кодификации международного права, тема должна быть достаточно созревшей с точки зрения практики государств для прогрессивного развития и кодификации, тема должна быть конкретной и реализуемой в целях прогрессивного развития и кодификации»⁸.

США согласились с тем, что работа Комиссии может привести к большей ясности в этой области права. Однако американская делегация заявила, что у нее нет уверенности в том, что эта тема будет пользоваться широкой поддержкой, учитывая малое число государств, ратифицировавших Венскую конвенцию о правопреемстве государств в отношении договоров (далее – Венская конвенция 1978 года) и Венскую конвенцию о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов (далее – Венская конвенция 1983 года). Исходя из этого Комиссии следует четко оговаривать, в каких случаях она рассматривает свою работу как кодификацию существующих норм права, а в каких — как прогрессивное развитие права⁹.

Великобритания в качестве предварительного замечания отметила, что приводимые специальным докладчиком в первом докладе примеры сильно привязаны к конкретным обстоятельствам и затрагивают весьма непростые проблемы. Одновременно она согласилась с тем, что итогом работы над темой могут стать типовые положения, которые будут полезны в качестве

⁵ Report of the Sub-Committee on Succession of States and Governments. – *Yearbook of the International Law Commission*. 1963. Vol. II. P. 260. https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1963_v2.pdf (accessed date: 18.02.2019).

⁶ См.: Draft articles on responsibility of States for internationally wrongful acts. – *Yearbook of the International Law Commission*. 2001. Vol. II. Part 2. Paras 76–77. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_2001_v2_p2.pdf (accessed date: 18.02.2019).

⁷ Обоснование разработки темы опубликовано в качестве приложения к докладу Комиссии, представленному Генеральной Ассамблее. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/71/10> (дата обращения: 10.07.2019).

⁸ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятидесятой сессии (20 апреля – 12 июня и 27 июля – 14 августа 1998 года). – *Ежегодник Комиссии международного права ООН*. 1998. Т. II. Ч. 2. С. 130–131. Доступ: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_1998_v2_p2.pdf (дата обращения: 31.07.2019).

⁹ Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН: «Краткий отчет о 26-м заседании, состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, в среду, 1 ноября 2017 года, в 10 ч. 00 мин.». 2017. П. 6–7. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/C.6/72/SR.26> (дата обращения: 31.07.2019).

отправной точки для определения сферы ответственности государств¹⁰. Заметим схожесть позиции Великобритании при работе Комиссии над темой ответственности государств. В замечаниях на проект Статей об ответственности государств, констатируя отражение во многих Статьях установившихся норм международного права, Великобритания отметила, что «другие части касаются областей, в которых право все еще развивается и в которых практически отсутствует устоявшаяся практика государств... Важно, чтобы в проектах Статей не делалась попытка определять нормы там, где их нет, а в тех случаях, когда нормы только развиваются, не ставилась цель жестко закрепить их параметры...»¹¹.

Дания отметила, что государства Северной Европы поддержат дальнейшее исследование практики государств в целях обоснования идеи передаваемости прав и обязательств в контексте ответственности государств¹². Некоторые делегации активнее других поддержали идею исследования темы: Израиль, Республика Корея, Словения, ЮАР. В частности, делегация Словении согласилась со специальным докладчиком в том, что примеры из практики государств и судебной практики подтверждают его вывод об эволюции традиционной нормы отсутствия правопреемства. Словения также предложила рассмотреть в будущих докладах некоторые вопросы, такие как соглашения о правопреемстве, прецедентное

право Европейского суда по правам человека, множественность ответственных или потерпевших государств и вопрос о солидарной ответственности¹³.

Делегации стран, в числе которых Российская Федерация¹⁴, Австрия, Беларусь¹⁵, Китай¹⁶, Испания¹⁷ и Турция¹⁸, выразили более скептические оценки готовности темы для кодификации, возможных результатов работы или отдельных аспектов, нашедших отражение в первом докладе и проектах статей 3 и 4.

Ряд заявлений, несмотря на содержащуюся в них критику, включали также важные предложения относительно будущей работы специального докладчика. Австрия указала, что было бы уместнее говорить о теме «Проблемы ответственности государств в случаях правопреемства государств» и выразила надежду на то, что работа Комиссии над этой новой темой будет способствовать прояснению концепции ответственности государств и последствий правопреемства государств¹⁹.

Предметом анализа к настоящему времени служат: проекты статей КМП, доклады специального докладчика о правопреемстве государств в отношении ответственности государств, комментарии и замечания государств, доктринальные исследования, судебная практика государств²⁰.

Заметим, что в отличие от зарубежной доктрины международного права исследований

¹⁰ Там же. П. 112–113.

¹¹ Четвертый доклад об ответственности государств, подготовленный специальным докладчиком г-ном Джеймсом Кроуфордом, «Ответственность государств». – *Ежегодник комиссии международного права ООН*. 2001. Т. II. Ч. 1. С. 16–17, 20. Доступ: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2001_v2_p1.pdf (дата обращения: 15.06.2019).

¹² См.: Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН: «Краткий отчет о 25-м заседании, состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, во вторник, 31 октября 2017 года, в 15 ч. 00 мин.». 2017. П. 39. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/C.6/72/SR.25> (дата обращения: 31.07.2019).

¹³ Там же. П. 104–107.

¹⁴ См.: Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН: «Краткий отчет о 19-м заседании, состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, во вторник, 24 октября 2017 года, в 10 ч. 00 мин.». 2017. П. 44–46. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/C.6/72/SR.19> (дата обращения: 31.07.2019).

¹⁵ См.: Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН: «Краткий отчет о 26-м заседании, состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, в среду, 1 ноября 2017 года, в 10 ч. 00 мин.». 2017. П. 69–76. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/C.6/72/SR.26> (дата обращения: 31.07.2019).

¹⁶ См.: Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН: «Краткий отчет о 23-м заседании, состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, в пятницу, 27 октября 2017 года, в 10 ч. 15 мин.». 2017. П. 62–63. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/C.6/72/SR.23> (дата обращения: 31.07.2019).

¹⁷ См.: Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН: «Краткий отчет о 25-м заседании, состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, во вторник, 31 октября 2017 года, в 15 ч. 00 мин.». 2017. П. 64. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/C.6/72/SR.25> (дата обращения: 31.07.2019).

¹⁸ Там же. П. 99–103

¹⁹ Там же. П. 45–46.

²⁰ Отметим наработки Института международного права по теме правопреемства государств в отношении международной ответственности, в частности, резолюцию «О правопреемстве государств в вопросах международной ответственности». См.: Institute of International Law: “Succession of States in Matters of International Responsibility”. 2015. URL: http://www.idi-ii.org/app/uploads/2017/06/2015_Tallinn_14_en-1.pdf (accessed date: 18.04.2019).

проблем международной ответственности в ситуации правопреемства государств в отечественной доктрине к настоящему моменту отмечено не было. П.П. Кремнев обоснованно ставит вопрос о существовании «иных областей (сферы, предметы, материя – синонимы данного понятия) того предмета («содержания правопреемства»), в отношении которого наступают последствия правопреемства» [Кремнев, 2006:37; 2012:131]. Однако вопросы международной ответственности в ситуациях правопреемства государств оставлены за рамками исследования. Не нашли данные вопросы отражения в монографии И.И. Лукашука «Право международной ответственности» [Лукашук, 2004].

2. Методология исследования

Исследование темы происходит при преобладающем подходе, заключающемся в обосновании «необходимости в нормах международного права, которые служили бы рамками, способными обеспечить правовую защищенность и стабильность в международных отношениях»²¹. И далее: «обстоятельство, что случаи правопреемства государств редки, не должно помешать Комиссии сформулировать некоторые общие и/или специальные нормы о правопреемстве или отсутствии правопреемства в отношении ответственности государств»²².

Руководствуясь обозначенным подходом, Комиссия рассматривает эту тему как сферу пересечения двух областей международного права, ранее исследованных в ее работе: существующие общие нормы или принципы, регулирующие од-

новременно правопреемство государств и международную ответственность государств.

Следует согласиться с мнением большинства специалистов, что принципиальная задача, которая должна быть решена Комиссией в ходе работы над темой, заключается в обосновании законности правопреемства в отношении ответственности [Crawford 2007:37; Milanović 2011:265; Tancredi 2016:99]. Один из общих вопросов, затрагиваемых в общих положениях обеих Венских конвенций 1978 и 1983 годов (статья 6 и статья 3, соответственно), — это вопрос о законности правопреемства по международному праву²³. Согласно указанным статьям «Настоящая Конвенция применяется только к последствиям правопреемства государств, которое осуществляется в соответствии с международным правом и особенно в соответствии с принципами международного права, воплощенными в Уставе Организации Объединенных Наций». Такое же положение содержится в статье 3 Статей о гражданстве физических лиц в связи с правопреемством государств²⁴.

Институт международного права в резолюции «О правопреемстве государств в вопросах международной ответственности» (пункт 2 статьи 2) также почти дословно воспроизводит формулировку статьи 6 Венской конвенции 1978 года: «Настоящая резолюция применяется только к последствиям правопреемства государств, которое осуществляется в соответствии с международным правом и особенно в соответствии с принципами международного права, воплощенными в Уставе Организации Объединенных Наций»²⁵.

²¹ International Law Commission: "Second report on succession of States in respect of State responsibility". 2018. Para. 13. URL: <https://undocs.org/A/CN.4/719> (accessed date: 17.03.2019). Аналогичный подход см. также в работе: [Pazartzis 2016:39].

²² International Law Commission: "Second report on succession of States in respect of State responsibility". 2018. Para. 16. URL: <https://undocs.org/A/CN.4/719> (accessed date: 17.03.2019)

²³ Вопрос о законности правопреемства по международному праву впервые был внесен на рассмотрение Комиссии в 1972 году в ходе обсуждения вопроса о правопреемстве в отношении части территории (впоследствии статья 15 Конвенции 1978 года). Некоторые члены Комиссии предложили включить в текст слово «законно», чтобы уточнить, что это положение применяется только в отношении случаев правомерной передачи. Другие члены сочли такое дополнение излишним, поскольку, по их мнению, это и так уже подразумевалось в этом положении. Но по существу все члены согласились с тем, что рассматриваемая статья применима только к случаям правомерной передачи. В конечном итоге большинство членов согласилось с включением этого уточнения в общие положения, посчитав, что отсутствие всякого упоминания законности применительно к другим формам правопреемства могло бы быть истолковано, как будто эти другие ситуации рассматриваются Конвенцией как незаконные ситуации. См.: [La Convention... 2016:184].

²⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи 55/153 ООН от 12 декабря 2000 г. «Статьи о гражданстве физических лиц в связи с правопреемством государств». Доступ: URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nationality.shtml (дата обращения: 17.03.2019).

²⁵ Institute of International Law: "Succession of States in Matters of International Responsibility". 2015. URL: http://www.idi-iii.org/app/uploads/2017/06/2015_Tallinn_14_en-1.pdf (accessed date: 18.04.2019).

Специальный докладчик не предлагает отказываться от весьма общей теории отсутствия правопреемства в отношении ответственности²⁶ в пользу столь же общей теории, поддерживающей идею правопреемства²⁷, однако считает обоснованным определение сферы применения проектов статей о правопреемстве государств в отношении ответственности в следующей редакции статьи 5 (по образцу статьи 6 Венской конвенции 1978 года)²⁸. Возможным решением проблемных ситуаций, например, в связи с передачей обязательств, вытекающих из международной ответственности в «нейтральных зонах», в случае повстанческого движения, которому удастся создать новое государство, может стать подтверждение правила об отсутствии правопреемства в определенных правоотношениях, возникающих из ответственности государств, и выработка специальных норм (или возможных исключений), касающихся правопреемства в других случаях.

Из основных содержательных подходов рассмотрения темы выделим следующие:

– в современном международном праве понятие ответственности государства можно определить как комплекс принципов и норм вторичного характера, регулирующих: а) установление наличия международно-противоправного деяния и его присвоение тому или иному государству; б) содержание и формы ответственности (новые обязанности, а именно по прекращению деяния и предоставлению возмещения во всех формах); и с) призвание государства к ответственности. Структура концепции ответственности государств в общем и целом соответствует структуре (частям) Статей об от-

ветственности государств²⁹. При установлении законности правопреемства (или отсутствия правопреемства) понятие «ответственности» необходимо рассматривать не абстрактно, а в контексте ее основных составляющих — присвоения, содержания и призвания к ответственности государства, будь то государство-предшественник или государство-преемник;

– правопреемство государств в отношении ответственности означает переход обязательства по возмещению от государства-предшественника к государству-преемнику³⁰;

– обеспечение единообразия в употреблении терминов с предыдущими докладами Комиссии не обязательно означает, что общий подход должен следовать структуре двух Венских конвенций (1978 и 1983 годов) и других документов о правопреемстве государств в областях, не связанных с ответственностью государств. Выбор такого подхода при рассмотрении вопросов правопреемства в отношении ответственности государств обусловлен сложным правовым режимом ответственности государств за международно-противоправные деяния. Он отличается от режимов правопреемства в отношении государственного имущества, государственных архивов, международных договоров или гражданства физических лиц³¹.

3. Общие нормы о правопреемстве государств в отношении ответственности государств

Рассматривая влияние правопреемства государств на нормы об ответственности государств, важно определить применимость общих принципов и норм об ответственности госу-

²⁶ Традиционная доктрина отрицания правопреемства в отношении ответственности сложилась в основном в период, предшествовавший кодификации Комиссией норм об ответственности государств за международно-противоправные деяния. См.: [Monnier 1962; O'Connell 1967: 482; Marek 1968:11, 189; Craven 1998:149–150].

²⁷ См.: International Law Commission: "Provisional summary record of the 3381st meeting". 2017. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/summary_records/a_cn4_sr3381.pdf&lang=EF (accessed date: 20.03.2019).

²⁸ Проект статьи 5: «Случаи правопреемства государств, подпадающие под действие настоящих проектов статей. Настоящие проекты статей применяются только к последствиям правопреемства государств, которое осуществляется в соответствии с международным правом и, в особенности, в соответствии с принципами международного права, воплощенными в Уставе Организации Объединенных Наций». См.: International Law Commission: "Second report on succession of States in respect of State responsibility". 2018. Para. 41. URL: <https://undocs.org/A/CN.4/719> (accessed date: 17.03.2019).

²⁹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г. «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/83> (дата обращения: 20.03.2019).

³⁰ Рассмотрению вопроса о передаче прав или требований потерпевшего государства-предшественника государству-преемнику будет посвящен третий доклад специального докладчика.

³¹ См.: Text of the draft articles on nationality of natural persons in relation to the succession of States adopted by the Commission on second reading. — *Yearbook of the International Law Commission*. 1999. Vol. II. Part 2. Paras 47–48. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1999_v2_p2.pdf (accessed date: 18.02.2019).

дарств — напрямую или возможными изменениями в зависимости от случая — к ситуациям международно-противоправных деяний при осуществлении правопреемства, а в случае применимости — в какой степени. Специальным докладчиком общие нормы о правопреемстве государств в отношении ответственности государств были сформулированы в проекте статьи 6 «Общее правило»³².

Анализ положений проекта статьи позволяет выявить следующие подходы к их формулированию. Как было отмечено ранее, Комиссия и специальный докладчик не предполагают пересмотра общепринятой позиции, которая отражена в статье 1 Статей об ответственности государств: каждое международно-противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность этого государства.

Очевидно, что и деяние (поведение), которое представляет собой нарушение международного обязательства, и международное обязательство, которое было нарушено, должны относиться только к этому государству и ни к какому иному государству, включая государства-предшественники или государства-преемники. Отсюда следует, что в части первой Статей об ответственности государств, которая касается международно-противоправных деяний государств и включает, в частности, нормы о присвоении, содержится общая норма отсутствия правопреемства. Представляется в целом приемлемым, что в ситуациях выхода частей государства из его состава главная

(или действующая по умолчанию) норма, регулирующая правопреемство по обязательствам, вытекающим из международно-противоправного деяния государства-предшественника, совершенного им до момента правопреемства, — это принцип отсутствия правопреемства. Поскольку государство-предшественник продолжает существовать, «государство-продолжатель должно оставаться ответственным за свои собственные международно-противоправные деяния, совершенные до даты правопреемства» [Dumberry 2007: 142; Czapliński 1990: 357; Volkovitch 1992: 2200].

В то же время специальный докладчик полагает необходимым исследовать и представить специальные нормы-исключения из общего правила отсутствия правопреемства в следующих ситуациях: длящихся нарушений и действий повстанческих или иных движений³³. Этот подход требует изучения соответствующих норм об ответственности государств, в частности норм о присвоении и нарушении международного обязательства, которые могут также оказывать особое воздействие на ситуации правопреемства государств.

В вопросах ответственности государств действительно проводится различие между мгновенным нарушением международного обязательства и нарушением, носящим длящийся характер³⁴, важное значение которого определяется последствиями, включая прекращение противоправных деяний длящегося характера

³² Статья 6 «Общее правило». «1. Правопреемство государств не оказывает никакого воздействия на присвоение международно-противоправного деяния, совершенного до момента правопреемства государств. 2. Если государство-предшественник продолжает существовать, потерпевшее государство или потерпевший субъект может, даже после даты правопреемства, призвать к ответственности государство-предшественник и потребовать от него возмещения вреда, причиненного в результате такого международно-противоправного деяния. 3. Это правило действует без ущерба для возможного присвоения международно-противоправного деяния государству-преемнику на основании нарушения международного обязательства деянием, носящим длящийся характер, если это государство связано этим обязательством. 4. Независимо от положений пунктов 1 и 2, потерпевшее государство или потерпевший субъект могут требовать возмещения вреда, причиненного международно-противоправным деянием государства-предшественника, также или только от государства-преемника или государств-преемников в соответствии с положениями следующих проектов статей». См.: International Law Commission: "Second report on succession of States in respect of State responsibility". 2018. Para. 75. URL: <https://undocs.org/A/CN.4/719> (accessed date: 17.03.2019).

³³ Ст. 10 (Поведение повстанческого или иного движения) Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 года «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/83>. (дата обращения: 20.03.2019).

³⁴ Примерами длящихся противоправных деяний являются: насильственное исчезновение, незаконное содержание под стражей иностранного должностного лица или незаконный захват помещений посольства другого государства, поддержание с помощью силы колониального господства или незаконное занятие части территории другого государства, сюда следует отнести и некоторые другие нарушения, в зависимости от обстоятельств каждого конкретного случая. В случаях, когда речь идет о противоправном захвате имущества, квалификация зависит от обстоятельств: если экспроприация осуществляется на основании официальной юридической процедуры с передачей титула собственности на отчуждаемое имущество, такая экспроприация представляет собой окончательное деяние. Однако в случаях фактической или «ползучей» экспроприации можно говорить о длящемся деянии.

и вторичные обязательства по возмещению. В комментарии к статье 14 Статей об ответственности государств КМП отмечает: «Проблема определения начала противоправного деяния и его продолжительности является одной из часто возникающих проблем»³⁵. Данный вопрос неоднократно решался как Постоянной палатой международного правосудия³⁶, так и в дальнейшем: Международным Судом³⁷, Европейским судом по правам человека³⁸, международными третейскими судами³⁹, включая суды по инвестиционным спорам⁴⁰.

Существует необходимость для целей установления ответственности в ситуациях, связанных с правопреемством государств, также проводить различие между фактическим совершением противоправного деяния (мгновенного или длящегося) и таким поведением до совершения этого деяния, которое имеет характер подготовки и не может быть квалифицировано как противоправное деяние⁴¹. Как было признано в связи с арбитражным разбирательством по делу *Lighthouses Arbitration*⁴², теория длящегося деяния «содействует обеспечению преемственности в отношении международной ответственности, когда государство-преемник в результате действия или бездействия продолжает совершать

то же нарушение международного права». Нарушение международного обязательства, носящее длящийся характер, порождает ответственность государства-преемника, если это государство продолжает вершить деяние, начатое до момента правопреемства. При этом открытым остается вопрос о том, идет ли в этом случае речь об исключительной ответственности государства-преемника или оно несет эту ответственность совместно с государством-предшественником.

В деле «*Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*», напротив, отвод вод Дуная в результате запуска «Варианта С» в октябре 1992 года был признан единовременным, а не длящимся деянием. Поэтому после даты правопреемства (1 января 1993 года) Словакия не понесла ответственность за продолжение нарушения, совершенного Чехословакией. Как следствие, ее ответственность, по мнению Международного Суда, может объясняться только правопреемством в отношении некоторых обязательств, вытекающих из противоправного деяния, совершенного Чехословакией. В деле *Bijelić v. Montenegro and Serbia* ЕСПЧ, имея в своем распоряжении также письменное заключение Венецианской комиссии (в качестве вступившей в дело третьей стороны)⁴³ и ссылаясь на продолжающиеся нарушения права

³⁵ См.: Draft articles on responsibility of States for internationally wrongful acts. – *Yearbook of the International Law Commission*. 2001. Vol. II. Part 2. Para 77. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_2001_v2_p2.pdf (accessed date: 18.02.2019).

³⁶ См.: *Mavrommatis Palestine Concessions*. Judgment No. 2. – *P.C.I.J. Series A*. 1924. No. 2. P. 35; *Phosphates in Morocco*. Judgment. – *P.C.I.J. Series A/B*. 1938, PCIJ. No. 74. P. 23–29.

³⁷ См.: *Case concerning Right of Passage over Indian Territory (Merits)*. Judgment of 12 April 1960. – *I.C.J. Reports*. 1960. P. 33–36; *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran*, Judgment. – *I.C.J. Reports*. 1980. P. 36–37.

³⁸ См.: *Ireland v. the United Kingdom*. Application No. 5310/71. Judgment of January 18, 1978 (separate opinion of Judge O'Donoghue). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57506> (accessed date: 18.03.2019); *Loizidou v. Turkey*. Application No. 15318/89. Judgment of December 18, 1996. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58007> (accessed date: 18.04.2019); *Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia*. Application No. 48787/99. Judgment of July 8, 2004. Paras. 320–321. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61886> (accessed date: 18.04.2019).

³⁹ *Case concerning the difference between New Zealand and France concerning the interpretation or application of two agreements concluded on 9 July 1986 between the two States and which related to the problems arising from the Rainbow Warrior affair*. Award of 30 April 1990. – *United Nations, Reports of International Arbitral Awards*. 1990. Vol. XX. P. 263–266.

⁴⁰ *Técnicas Medioambientales Tecmed S.A. v. United Mexican States*. ICSID Case No. ARB(AF)/00/2. Award of May 29, 2003. – *ICSID Reports*. 2006. Vol. 10. P. 134 et seq.

⁴¹ Так, в деле *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia)* при рассмотрении вопроса о времени запуска «варианта С» нарушение не было признано носящим длящийся характер. Международный Суд счел, что до момента фактического отвода вод Дуная нарушения не было: «Противоправному деянию или правонарушению нередко предшествуют подготовительные действия, которые не следует отождествлять с самим деянием или правонарушением». *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia)*. Judgment. – *I.C.J. Reports*. 1997. P. 54.

⁴² *Affaire relative à la concession des phares de l'Empire ottoman (Grèce, France)*. Award of July 24/27, 1956. – *Reports of International Arbitral Awards*. 2006. Vol. XII. P. 198. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XII/155-269_Concession.pdf

⁴³ См.: *European Commission For Democracy Through Law (Venice Commission) amicus curiae brief in the case of Bijelić against Montenegro and Serbia (Application N°11890/05) pending before the European Court of Human Rights*. October 20, 2008. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2008\)021-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2008)021-e) (accessed date: 18.03.2019). В этом заключении напрямую затрагивается вопрос о правопреемстве в отношении ответственности государств.

на мирное пользование имуществом, возникшие до образования двух отдельных государств, признал исключительную ответственность за них за Черногорией после ее выхода из Государственного союза Сербии и Черногории⁴⁴.

Длющиеся нарушения нередко рассматриваются как взаимосвязанные с нарушениями, состоящими из составного деяния. Понятие «составного деяния» подразумевает ситуацию, при которой противоправное деяние состоит не в единичном действии, а в «практике» или «политике», носящей систематический характер⁴⁵. В деле *Ireland v. the United Kingdom* ЕСПЧ определил практику, не совместимую с Конвенцией, как практику, заключающуюся «в совокупности идентичных или аналогичных нарушений, которые достаточно многочисленны и взаимосвязаны для того, чтобы составлять не просто самостоятельные инциденты или исключения, а определенную последовательность или систему; практика сама по себе не составляет нарушения, отличного от указанных нарушений»⁴⁶.

Длющиеся нарушения и нарушения, состоящие из составного деяния, объединяет то, что нарушение совершается не мгновенным деянием и является нарушением, распространяющимся во времени. Решение вопроса о том, когда начинается и заканчивается международно-противоправное деяние, не является сугубо теоретическим [Kolb 2017:54], но может иметь влияние на возможное возникновение обязательств из ответственности в контексте правопреемства государств, а также при определении средств правовой защиты, таких как прекращение или сумма компенсации, а также для целей установления временной компетенции суда (*ratione temporis*).

4. Особые категории правопреемства государств в отношении обязательств, вытекающих из ответственности

В контексте исследования ситуаций, потенциально оправдывающих отступление от общего

принципа отсутствия правопреемства в отношении международной ответственности (правопреемство государств не влияет на присвоение ответственности), КМП полагает необходимым выделить особые категории правопреемства государств в отношении обязательств, вытекающих из ответственности. В их числе:

– ситуации правопреемства, когда государство-предшественник продолжает существовать (с дифференциацией по ситуациям: выход (отделение частей государства); присвоение ответственности отделившегося государства за поведение повстанческого или иного движения; новые независимые государства; передача части территории государства (уступка));

– ситуации правопреемства, государство-предшественник не существует (с дифференциацией по ситуациям: объединение государств; включение одного государства в другое существующее государство; разделение государства).

К примеру, международно-правовая квалификация политических процессов прекращения существования СССР в 1991 году вызывает доктринальные разногласия в западной доктрине. В числе главных спорных вопросов: правовой статус государств, образовавшихся на территории бывшего СССР; распад СССР – разделение или череда выходов?; следует ли считать Россию государством, осуществляющим континуитет (или «континуатором») СССР.

По вопросу правового статуса государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, в западной доктрине, в отличие от российской теории международного права, преобладает следующий подход: три балтийских государства (Латвия, Литва и Эстония), которые первыми провозгласили свою независимость и вышли из состава Советского Союза в 1990 и 1991 годах (СССР признал их независимость 6 сентября 1991 года), рассматриваются не как новые государства (преемники СССР) [Кремнев 2012: 80], а как идентичные трем балтийским государствам, существовавшим до 1940 года [Mälksoo 2003: 87;

⁴⁴ *Bijelić v. Montenegro and Serbia*. Application No. 11890/05. Judgment of April, 28 2009. Paras. 68–70. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-92484> (accessed date: 18.03.2019).

⁴⁵ В статье 15 Статей об ответственности государств составное деяние определяется следующим образом: «Нарушение государством международно-правового обязательства посредством серии действий или бездействий, определяемых в совокупности как противоправные, происходит, когда происходит то действие или бездействие, которое, взятое вместе с другими действиями или бездействиями, является достаточным для того, чтобы составить международно-противоправное деяние». Примеры обязательств, нарушенных составными деяниями, включают обязательства по предупреждению геноцида, апартеида или преступлений против человечности, систематических актов расовой дискриминации, систематических актов дискриминации, запрещенной торговлевыми соглашениями.

⁴⁶ *Ireland v. the United Kingdom*. Application No. 5310/71. Judgment of January 18, 1978. Para. 159. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57506> (accessed date: 18.03.2019).

Mullerson 1994: 26-27; Bothe, Schmidt: 1992: 822-823; Koskenniemi, Lehto 1992, 191-198].

Международно-правовой статус Российской Федерации как одного из правопреемников СССР объективно не мог уместиться только в модели правопреемства, закрепленной в Венских конвенциях 1978 и 1983 годов. Советский Союз входил в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН, а также имел статус ядерной державы в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия 1968 года. Соответственно, такое значимое военно-политическое положение СССР требовало применения особого подхода к решению вопросов правопреемства, возникших после прекращения его существования. Таким особым подходом стала концепция континуитета (*continuity*).

Большинство представителей западной доктрины разделяют идею континуитета России [Mullerson 1994: 19; Bothe, Schmidt 1992: 824; Koskenniemi, Lehto 1992: 189-198]. Другие исследователи придерживаются подхода, что Россия — не «континуатор» СССР, а новое государство [Rich 1993: 45; Blum 1992: 357-359; Tichy: 1992/1993: 130]. В российской доктрине П.П. Кремнев ввел в научный оборот термин «*государство-продолжатель*» (*gosudarstvo-prodolzatel*), который, несмотря на то, что переводится как «*state-continuator*», аргументируется как новая категория в международном праве. П.П. Кремнев исходит не из идентичности Российской Федерации Советскому Союзу, а из того, что она заменила собой СССР [Кремнев 2012: 159-163]. В рамках данного подхода проводится некоторая аналогия между таким государством и государством-предшественником в одних аспектах и с государством-преемником — в других аспектах.

Специальный докладчик аргументирует позицию, что Российская Федерация продолжила нести обязательства, вытекающие из международной ответственности за деяния, совершенные СССР, положениями следующих международных договоров: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германии о культурном

сотрудничестве 1992 года⁴⁷ и Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики об окончательном урегулировании взаимных финансовых и имущественных требований, возникших до 9 мая 1945 года⁴⁸.

Уместно в этой связи привести аргументацию, содержащуюся в письме правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 25 мая 2006 года № САН-588-6 о проведении правовой экспертизы «Справки по вопросам о правопреемстве Российской Федерации, принципе континуитета и репатриации в связи с запросом депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации А.Н. Савельева». «Абсолютно бесспорным можно считать тот факт, что Российская Федерация является по отношению к СССР государством-преемником, а СССР по отношению к Российской Федерации — государством предшественником, как это предусмотрено Венскими конвенциями 1978 и 1983 годов. Данный факт подтверждается обязательствами, принятыми Россией в соответствии с международными договорами, заключенными между государствами, являвшимися республиками в составе СССР (в них не участвуют только прибалтийские государства). Так, в первом абзаце преамбулы Договора о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Союза ССР от 4 декабря 1991 года определено предусмотрено, что Союз ССР выступает государством-предшественником по отношению к его бывшим субъектам. Аналогичный вывод можно сделать при изучении других международных договоров, заключенных по вопросам правопреемства между государствами — участниками СНГ: Меморандум о взаимопонимании в отношении договоров бывшего Союза ССР, представляющих взаимный интерес, от 6 июня 1992 года; Соглашение о правопреемстве в отношении государственных архивов бывшего Союза ССР от 6 июня 1997 года; многочисленные двусторонние соглашения, заключенные Российской Федерацией с государствами, входившими

⁴⁷ Статья 15 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством ФРГ о культурном сотрудничестве от 16 декабря 1992 г. («Стороны согласны в том, что пропавшие или незаконно вывезенные культурные ценности, находящиеся на их территории, должны возвращаться владельцам или их наследникам»). Доступ: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-370/48597 (дата обращения: 20.05.2019).

⁴⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики об окончательном урегулировании взаимных финансовых и имущественных требований, возникших до 9 мая 1945 г. Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/8305506> (дата обращения: 19.06.2019). См. также по вопросу: [Szurek 1998].

в состав СССР, по вопросу об урегулировании правопреемства в отношении государственного долга и активов бывшего Союза ССР». И далее: «...Российская Федерация является единственным государством, к которому перешли некоторые особенности международно-правового статуса СССР (постоянное место в Совете Безопасности ООН и статус ядерной державы по Договору 1968 года). С этой точки зрения только Россия является государством, продолжившим играть ту военно-политическую роль, которую играл в прошлом СССР в международных отношениях. В этом смысле Российская Федерация обеспечила континуитет международных обязательств СССР и его международной правосубъектности»⁴⁹.

Обоснование концепции непрерывности правосубъектности и ответственности государства-продолжателя специальный докладчик находит также в одном из случаев правопреемства в связи с распадом Югославии. После отделения Черногории от Сербии 3 июня 2006 года Сербия продолжила правосубъектность Государственного Союза Сербии и Черногории, а Черногория стала его государством-преемником. Как отметил Международный Суд в деле *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, поскольку Черногория не стала продолжателем правосубъектности Сербии и Черногории, она не могла приобрести статус ответчика в указанном деле⁵⁰. ЕСПЧ при рассмотрении ряда дел, которые были поданы в период существования Государственного Союза

Сербии и Черногории, но решения по которым были вынесены после выхода Черногории из его состава, согласился с тем, что «Сербия остается единственным ответчиком по делам на рассмотрении Суда»⁵¹.

В результате специальный докладчик с опорой на доктринальные исследования [Dumberry 2007: 143] и судебную практику сформулировал следующий подход: «государство-продолжатель остается ответственным за деяния, имевшие место до даты правопреемства». Аналогичного подхода придерживается также Институт международного права: «Что не вызывает сомнений в аргументации Суда, так это то, что государство-продолжатель должно принять на себя обязательства в связи с международно-противоправными деяниями, совершенными до момента правопреемства, в результате отделения части его населения и территории с целью образовать новое государство»⁵².

В числе обстоятельств, представляющих исключения из общей нормы отсутствия правопреемства, в проекте статьи 7 «Отделение частей государства (выход)» сформулированы: а) совершение международно-противоправных деяний автономным образованием государства-предшественника; б) связь между международно-противоправным деянием и территорией; и с) вопрос неосновательного обогащения. Данные обстоятельства дополняют обычные исключения, которые включают соглашение и одностороннее заявление, посредством которых государство-преемник может принимать на себя обязательства.

⁴⁹ Аппарат Совета Федерации. Письмо от 10 января 2007 г. Доступн.: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%BE_%D0%90%D0%BF%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B0_%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%BE%D1%82_10.01.2007 (дата обращения: 15.05.2019).

⁵⁰ Case concerning Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro). Judgment of February 26, 2007. Para 76. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/91/091-20070226-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed date: 18.03.2019). Подобный подход также в решении арбитража по делу *Mytilineos Holdings SA v. The State Union of Serbia & Montenegro and Republic of Serbia*. Partial Award on Jurisdiction (in the matter of an arbitration under the UNCITRAL Arbitration Rules) of September 8, 2006. Para. 158. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0549.pdf> (accessed date: 18.03.2019).

⁵¹ См: *Bodrožić v. Serbia*. Application No. 32550/05. Judgment of June 23, 2009. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-93159&filename=001-93159.pdf&TID=ihgdqbxnfi> (accessed date: 18.03.2019); *Filipović v. Serbia*. Application No. 27935/05. Judgment of November 20, 2007. URL: http://www.zastupnik.gov.rs/images/filipovic_p_27935-05_eng.pdf (accessed date: 18.03.2019); *Jevremović v. Serbia*. Application No. 3150/05. Judgment of July 17, 2007. URL: <https://sip.lex.pl/orzeczenia-i-pisma-urzedowe/orzeczenia-sadow/3150-05-jevremovic-v-serbia-wyrok-europejskiego-520684626> (accessed date: 18.03.2019); *Marčić and Others v. Serbia*. Application No. 17556/05. Judgment of October 30, 2007. URL: <https://sip.lex.pl/orzeczenia-i-pisma-urzedowe/orzeczenia-sadow/17556-05-marcic-i-inni-v-serbia-wyrok-europejskiego-520407071> (accessed date: 18.03.2019).

⁵² Kohen M. State Succession in Matters of State Responsibility. – *Yearbook of Institute of International Law*. 2015. Vol. 76. Para. 79.

Ввиду ограниченности межгосударственной практики⁵³ и неоднородности доктринальных источников следует разделить конструктивный подход специального докладчика по вопросу связи между международно-противоправным деянием и территорией: ответственность по обязательствам, вытекающим из международно-противоправных деяний, совершенных государством-предшественником до момента правопреемства, не возлагается автоматически на государство-преемник только на том основании, что такие деяния происходили на территории, которая теперь является его территорией. Связь этих деяний с территорией является лишь одним из существенных элементов, которые необходимо учитывать [Dumberry 2007: 287].

Принцип недопустимости неосновательного обогащения представляется возможным сформулировать и учитывать во избежание «несправедливых» последствий применения нормы отсутствия правопреемства. Принцип предполагает «справедливое» обязательство государства-преемника, в отношении которого может быть фактически доказано, что оно неосновательно обогатилось за счет публичных кредиторов государства-предшественника, предпринять шаги для исправления положения.

Оснований рассматривать неосновательное обогащение как самостоятельное основание для правопреемства в отношении ответственности недостаточно. К настоящему времени известно всего о четырех прецедентах, отсылающих к принципу неосновательного обогащения, но не являющихся напрямую релевантными, поскольку касаются главным образом правопреемства в отношении долгов [Dumberry 2007: 269–273]. Учитывать принцип возможно в качестве одного из критериев и обстоятельств, имеющих значение для конкретного случая.

Одним из наиболее дискуссионных и, как представляется, политизированных является

предлагаемое исследуемым проектом исключение из общей нормы отсутствия правопреемства, связанное с ответственностью нового государства за поведение повстанческого или иного движения. Статьи об ответственности государств (пункт 2 статьи 10) предусматривают исключение из общего положения об отсутствии возможности присвоения противоправных деяний государства-предшественника государству-преемнику, а именно в ситуации, когда движению, повстанческому или иному, удастся создать новое государство на части территории уже существовавшего государства или на какой-либо территории под его управлением⁵⁴. Важно подчеркнуть, что в статье 10 речь идет о движениях в целом и не предпринимается попыток провести различие между борьбой за национальное освобождение, с одной стороны, и простым мятежом — с другой [Crawford 2013: 170]. Также в статье 10 не проводится различие между типами повстанческих движений с точки зрения их характера или законности их борьбы. В комментарии к статье Комиссия обосновывает причину тем, что всеобъемлющее определение типов таких групп «затрудняется большим разнообразием форм, которые могут принимать повстанческие движения на практике». Кроме того, «для целей статьи 10 не следует проводить никаких различий между разными категориями движений по критерию какой-либо международной “легитимности” или любой незаконности в отношении их преобразования в правительство, несмотря на потенциальную важность таких различий в иных контекстах. С точки зрения разработки норм права, регулирующих ответственность государств, представляется излишним и нежелательным освобождать новое правительство или новое государство от ответственности за поведение его персонала, ссылаясь на соображения законности или незаконности его происхождения»⁵⁵.

⁵³ В исследованиях Института международного права приводится лишь один пример из практики, связанный с выходом Бельгии из состава Королевства Нидерландов в 1830 году. Франция, Великобритания, Пруссия и Соединенные Штаты обратились к Бельгии (государству-преемнику) с совместным заявлением, потребовав от нее компенсации «исключительно на том основании, что обязательство по возмещению таких убытков лежит на стране, в границах которой был причинен ущерб» [Dumberry 2007:290].

⁵⁴ Здесь необходимо разграничивать две рассматриваемых ситуации в статье 10 Статей об ответственности государств. Первая ситуация, описанная в пункте 1 статьи, касается только повстанческого движения, которое становится новым правительством в государстве, то есть в том же государстве, и, как следствие, никакого правопреемства государств не происходит. Критика ряда исследователей положений статьи 10 Статей об ответственности государств не всегда в достаточной степени учитывает данное обстоятельство. См.: [Hessbruegge 2003: 273–274; 300–302; Greenman 2017].

⁵⁵ См.: Draft articles on responsibility of States for internationally wrongful acts. – *Yearbook of the International Law Commission*. 2001. Vol. II. Part 2. P. 51. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_2001_v2_p2.pdf (accessed date: 18.02.2019).

Специальный докладчик полагает, что данная норма в полной мере применима к определенным категориям правопреемства, а именно к ситуации выхода и образования нового независимого государства. Не вдаваясь в вопрос о потенциальной правосубъектности повстанческих движений, докладчик посчитал необходимым придерживаться принципа, выраженного в комментарии к окончательному варианту статьи 10 Статей об ответственности государств: «Основу для присвоения государству поведения одержавшего победу повстанческого или иного движения по международному праву составляет преемственность между движением и образованным впоследствии правительством»⁵⁶. Следует отметить, что Аго (один из специальных докладчиков по теме ответственности государств) затрагивал вопрос о правопреемстве в качестве альтернативного решения проблемы ответственности повстанческого движения: «Если отказаться от идеи преемственности между международной правосубъектностью повстанческого движения и международной правосубъектностью нового государства, то нам не остается ничего другого, как поставить здесь вопрос о возможной преемственности государства в отношении обязательств, вытекающих из правонарушений субъекта международного права, место которого оно заняло»⁵⁷.

Наиболее часто упоминаемыми примерами из соответствующей практики государств,

которые подкрепляют норму, содержащуюся в пункте 2 статьи 10 Статей об ответственности государств, являются: а) решения французских национальных судов в связи с независимостью Алжира, возлагающие на Алжир ответственность за противоправные деяния в период гражданской войны [Dumberry 2006: 613-615]; 2) *obiter dictum no delu United States v. Socony-Vacuum Oil Co* в Комиссии Соединенных Штатов по международным претензиям⁵⁸; и 3) юридическое заключение Великобритании в контексте гражданской войны в США⁵⁹. Кроуфорд приводит еще один пример, из более давней практики, — решение Верховного суда Соединенных Штатов по делу *Williams v. Bruffy*⁶⁰, вынесенное в контексте американской гражданской войны [Crawford 2013: 176-177].

Ссылка на пункт 2 статьи 10 была сделана Хорватией в деле «О применении Конвенции о геноциде (Хорватия против Сербии)», но Международному Суду в конечном итоге не пришлось исследовать обычный характер этого положения или вопрос о выполнении предусмотренных в ней условий применительно к этому конкретному делу. Тем не менее, решение Суда содержит разъяснение потенциального смысла пункта 2 статьи 10 и его связи со статьей 13 Статей об ответственности государств. Суд четко указывает, что «данная статья касается только присвоения деяний новому государству»⁶¹.

⁵⁶ Ibid. P. 50.

⁵⁷ См.: Fourth report on State responsibility "The internationally wrongful act of the State, source of international responsibility". – *Yearbook of the International Law Commission*. 1972. Vol. II. Para 150. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1972_v2.pdf (accessed date: 18.02.2019).

⁵⁸ См.: *United States v. Socony-Vacuum Oil Co., Inc.* URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/310/150/> (accessed date: 18.03.2019).

⁵⁹ Phillimore Opinion of 16 February 1863. – *International Law Opinions. Vol. II: Peace*. Ed. by Lord McNair. Cambridge, Cambridge University Press. 1956. P. 256-257.

⁶⁰ «Другой тип государства de facto, рассматриваемый в цитируемых трудах, представляет собой такое государство, которое возникает, когда часть жителей страны отделяется от материнского государства и образует независимое правительство. Законность его актов как в отношении материнского государства, так и в отношении собственных граждан или подданных в конечном итоге зависит от того, сумеет ли оно устоять. Если оно не утвердится как постоянно действующее, все подобные акты сгинут вместе с ним. В случае успеха и признания его акты признаются как акты независимого государства с начала его существования. Так было в случае с властями штатов в составе прежней конфедерации после их выхода из-под власти Британской короны. После того как они отстаивали провозглашенную ими независимость, все, что они делали начиная с этой даты, было так же законно, как если бы их независимость была признана сразу. Следствием произведенного ими изъятия имущества неприятеля было принято, как если бы оно производилось независимым государством. Но если бы они не смогли защитить свою независимость и власть Короля в нашей стране была бы восстановлена, никто бы не утверждал, что их действия, направленные против него или его верноподданных, могли бы быть поддержаны как юридически обоснованные». *Williams v. Bruffy* 96 US 176, 185-186 (1877).

⁶¹ «...она не создает каких-либо обязательств, имеющих обязательную силу для нового государства или движения, которому удалось создать новое государство. Она также не затрагивает принцип, заявленный в статье 13 указанных статей, согласно которому "никакое деяние государства не является нарушением международно-правового обязательства, если это обязательство не связывает данное государство во время совершения деяния". Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia). Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2015. P. 51-53.

Данный подход касается многосторонних конвенций о правах человека [Kamminga 1996: 476–477]: его можно найти в практике ЕСПЧ. Комитет по правам человека по вопросу обязательств, вытекающих из Международного пакта о гражданских и политических правах, отметил, что основные права, защищаемые международными договорами, «принадлежат людям, проживающим на территории государства-участника». В частности, «как только населению предоставляется защита прав в соответствии с Пактом, сфера действия такой защиты распространяется на территорию и продолжает действовать в отношении проживающего на ней населения, несмотря на изменения в государственном устройстве государства-участника, включая расчленение на несколько государств или правопреемство государств»⁶².

При рассмотрении вопроса, касающегося отделения Черногории, в деле *Bijelić v. Serbia and Montenegro* Суд имел в своем распоряжении письменное заключение Венецианской комиссии, выступившей третьей стороной, которое в значительной мере опирается на статью 10 Статей об ответственности государств и содержит следующий вывод: «Комиссия международного права, таким образом, устанавливает общее правило, согласно которому ответственность переходит к добившемуся успеха движению за независимость, при этом у государства-преемника остается возможность доказывать необоснованность этого перехода применительно к конкретным нарушениям по причине отсутствия реальной преемственности между движением за независимость и новым правительством»⁶³. В своем решении Суд, как представляется, согласился с этим анализом и, исходя также из своей предыдущей практики и с учетом замечания общего порядка Комитета по правам человека, пришел к выводу об ответственности Черногории⁶⁴. После рассмотрения дела *Bijelić* Европейский суд по правам человека признал в качестве нормы, что преемником в отношении ответственности за противоправные деяния, совершенные органами

Черногории в период существования Государственного Союза Сербии и Черногории, является Черногория.

Таким образом, вышеизложенные подходы послужили основанием для решения Комиссии и докладчика о необходимости в разработке статьи, в которой общий принцип отсутствия правопреемства дополнялся бы рядом исключений применительно к ситуации выхода. В дополнение к возможным исключениям, касающимся автономных образований в составе государства-предшественника и территориальных режимов, следует также определить порядок присвоения поведения повстанческого или иного движения новому государству. Нерешенными на текущий момент остаются вопросы о том, применимы ли те же правила и исключения *mutatis mutandis* к ситуации новых независимых государств.

5. Выводы

Прошлое, настоящее и будущее Комиссии международного права ООН необходимо оценивать с точки зрения прогрессивного развития и кодификации международного права, каким образом данные процессы нашли конкретное выражение в мандате и практике КМП. Представляется, что подобный подход применим и в оценке нового исследуемого проекта статей Комиссии.

Правопреемство государств — не столь частое явление, в то же время выработку международно-правовых принципов, направленных на урегулирование подобных ситуаций, можно рассматривать в контексте укрепления международного правопорядка. Задача Комиссии в целом заключается в том, чтобы заполнить пробел между режимами правопреемства государств и ответственности государств. Важно подчеркнуть, что нормы, формулируемые в рамках темы, должны учитывать сложный правовой режим ответственности государств за международно-противоправные деяния, отличающийся от иных режимов правопреемства. В этой связи необхо-

⁶² П. 4 Замечаний общего порядка № 26 (1997) «Континуитет обязательств по Международному пакту о гражданских и политических правах». Доступ: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom26.html> (дата обращения: 15.03.2019).

⁶³ European Commission For Democracy Through Law (Venice Commission) amicus curiae brief in the case of *Bijelić against Montenegro and Serbia* (Application №11890/05) pending before the European Court of Human Rights. October 20, 2008. Para 43. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2008\)021-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2008)021-e) (accessed date: 18.03.2019).

⁶⁴ *Bijelić v. Montenegro and Serbia*. Application No. 11890/05. Judgment of April, 28 2009. Paras. 68–70. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-92484> (accessed date: 18.03.2019).

димо обеспечить согласование положений проекта с содержанием Статей об ответственности государств на предмет применения в ситуациях правопреемства государств либо их доработку таким образом, чтобы они могли служить руководством для государств, сталкивающихся с проблемами ответственности в случаях правопреемства. Уточнение, переработка данных норм и заполнение имеющихся в них пробелов должны стать основными целями работы над темой.

Ключевой подход КМП – общая норма отсутствия правопреемства в отношении международной ответственности не является абсолютной по своему характеру – содержит потенциально конфликтные аспекты. В целях реализации данного подхода специальный докладчик должен следовать программе работы с необходимой степенью гибкости. Для выяснения и исследования существования различных ситуаций, представляющих отступление от общего принципа, Комиссии и специальному докладчику необходимо подвергнуть тщательному критическому анализу как однозначные, так и спорные аспекты такого подхода, в том числе через применение Статей об ответственности государств международными судами, во многом адаптирующими положения Статей к современной международной практике (опираясь не только на доктринальные исследования, выполняющие роль вспомогательного средства выявления правовых норм).

Представляется очевидным, что проекты статей 1 и 2, в предварительном порядке принятые Редакционным комитетом, 3 и 4, предложенные в 2017 году, необходимо будет пересматривать с учетом проектов статей, которые могут быть приняты Комиссией на основе второго и третьего докладов.

Предполагается, что в четвертом докладе (2020 год) могут быть рассмотрены процедурные и прочие вопросы, включая вопросы о множественности государств-преемников и совместной ответственности, или вопрос о возможном применении норм о правопреемстве государств в отношении ответственности государств к по-

терпевшим международным организациям или потерпевшим физическим лицам.

Кроме того, новый вопрос о формах и требованиях возмещения также потребует дальнейшего анализа, по результатам которого могут быть разработаны дополнительные проекты статей. В зависимости от хода обсуждения докладов специального докладчика и общего объема работы Комиссии весь свод проектов статей может быть принят в первом чтении в 2020 или 2021 году. В конечном итоге они также будут подвергнуты проверке судебной и межгосударственной практикой.

В заключение следует отметить, что затрагиваемые проектом КМП ООН вопросы международной ответственности государств в ситуациях правопреемства требуют активизации доктринальных исследований российскими специалистами и выработки официальной позиции Российской Федерации⁶⁵. В качестве основных ее содержательных моментов представляется возможным сформулировать следующие:

► Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния являются результатом работы КМП ООН по кодификации правового режима ответственности государств и во многом отражают обычное международное право;

► имеющаяся практика государств по вопросам ответственности в ситуациях правопреемства является неоднородной, зависящей от контекста и зачастую политически мотивированной, в совокупности с немногочисленностью соответствующих решений национальных и международных судов и трибуналов составляет не достаточный нормативный материал для кодификации; содержание ряда статей проекта носит характер скорее прогрессивного развития или *de lege ferenda*, нежели кодификации существующего международного права;

► понятие правопреемства в отношении ответственности необходимо рассматривать не как механическое переложение определения статьи 2 Венской конвенции 1978 года, а в отношении принципов и норм субсидиарного характера,

⁶⁵ Для Российской Федерации исследуемые вопросы имеют практический аспект со значительным политическим контекстом. Так, официальные представители Эстонии и Латвии неоднократно выступали с требованиями к Российской Федерации «о компенсации ущерба за период советской оккупации». В последнем совместном заявлении Эстонии и Латвии от 21 августа 2018 года отмечается: «Министры юстиции Эстонии и Латвии подчеркивают, как важно помнить период советской оккупации, и изучают возможность требования возмещения ущерба с Российской Федерации как правопреемника Советского Союза». См.: Эстония и Латвия захотели получить у России компенсацию за «советскую оккупацию». – *ЛентаРу*. 22.08.2018. Доступ: <https://lenta.ru/news/2018/08/22/occup/> (дата обращения: 18.04.2019).

регулирующих, в частности: установление наличия международно-противоправного деяния и его присвоение тому или иному государству; содержание и формы ответственности; призывание к такой ответственности;

➤ базовой общей нормой, применимой к правопреемству государств в отношении ответственности государств, должна явиться норма,

согласно которой ответственность государства-предшественника не переходит автоматически к государству-правопреемнику. Возможные исключения из базовой общей нормы отсутствия автоматического правопреемства по состоянию на текущий период основаны более на политических соображениях, нежели на практике государств.

Список литературы

1. Кремнев П.П. 2006. Правопреемство государств в не кодифицированных областях. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 37–53
2. Кремнев П.П. 2008. Категория «Российская Федерация – государство-продолжатель СССР»: вопросы теории и практики. – *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. № 2. С. 3–22.
3. Кремнев П.П. 2012. *Распад СССР и правопреемство государств*. М.: Юрлитинформ. 192 с.
4. Лукашук И.И. 2004. *Право международной ответственности*. М.: Волтерс Клувер. 432 с.
5. Черниченко С.В. 1998. Континуитет, идентичность и правопреемство государств. – *Российский ежегодник международного права, 1996—1997*. СПб.: Россия-Нева. С. 9–44.
6. Blum Y.Z. 1992. Russia takes over the Soviet Union's seat at the United Nations. – *European Journal of International Law*. Vol. 3. Issue 2. P. 354–361. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/3.2.354>
7. Bothe M., Schmidt C. 1992. Sur quelques questions de succession posées par la dissolution de l'URSS et celle de la Yougoslavie. – *Revue générale de droit international public*. Vol. 96. No. 4. P. 821–842.
8. Craven C. 1998. The problem of State succession and the identity of States under international law. – *European Journal of International Law*. Vol. 9. Issue 1. P. 142–162. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/9.1.142>
9. Crawford J. 2007. *The Creation of States in International Law*. 2nd ed. Oxford: Clarendon. 944 p.
10. Crawford J. 2013. *State Responsibility: The General Part*. Cambridge: Cambridge University Press. 906 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139033060>
11. Czapliński W. 1990. State succession and State responsibility. – *Canadian Yearbook of International Law*. Vol. 28. P. 339–358.
12. Dumberry P. 2005. Is a new State responsible for obligations arising from internationally wrongful acts before its independence in the context of secession? – *Canadian Yearbook of International Law*. Vol. 43. P. 419–454.
13. Dumberry P. 2006. New State responsibility for internationally wrongful acts by an insurrectional movement. – *European Journal of International Law*. Vol. 17. Issue 3. P. 605–621. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chl016>
14. Dumberry P. 2007. *State Succession to International Responsibility*. Leiden: Martinus Nijhoff. 520 p.
15. Eisemann P. 2000. Rapport du directeur d'études de la section de langue française du Centres. – *State Succession: Codification Tested against the Facts*. Ed. by P. Eisemann and M. Koskeniemi. Leiden: Brill. P. 4–65.
16. Greenman K. 2017. The secret history of successful rebellions in the law of State responsibility. – *ESIL Reflections*. Vol. 6. Issue 9. URL: <https://www.esil-sedi.eu/sites/default/files/ESIL%20Reflection%20Greenman.pdf> (accessed date: 18.03.2019).
17. Hessbruegge J.A. 2003. The historical development of the doctrines of attribution and due diligence in international law. – *New York University Journal of International Law and Politics*. Vol. 36. P. 265–306.
18. Kamminga M.T. 1996. State succession in respect of human rights treaties. – *European Journal of International Law*. Vol. 7. Issue 4. P. 496–484. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/7.4.469>
19. Kolb R. 2017. *The International Law of State Responsibility. An Introduction*. Cheltenham: Edward Elgar. 296 p.
20. Koskeniemi M., Lehto M. 1992. La succession d'États dans l'ex-URSS, en ce qui concerne particulièrement les relations avec la Finlande. – *Annuaire français de droit international*. Vol. 38. P. 179–219.
21. *La Convention de Vienne de 1978 sur la succession d'États en matière de traités: commentaire article par article et études thématiques*. Ed. by G. Distefano, G. Gaggioli and A. Hêche. 2016. Brussels: Bruylant. 2082 p.
22. Mälksoo L. 2003. *Illegal Annexation and State Continuity: The Case of the Incorporation of the Baltic States by the USSR*. Leiden: Martinus Nijhoff. 373 p.
23. Marek K. 1968. *Identity and Continuity of States in Public International Law*. Geneva: Librairie Droz. 619 p.
24. Milanović M. 2011. What the Kosovo advisory opinion means for the rest of the world. – *American Society of International Law Proceedings*. Vol. 105. P. 259–274.
25. Monnier J.P. 1962. La succession d'États en matière de responsabilité internationale. – *Annuaire français de droit international*. Vol. 8. P. 65–90.
26. Mullerson R. 1994. Law and politics in succession of States: international law on succession of States. – *Dissolution, continuation et succession en Europe de l'Est: succession d'états et relations économiques internationales: colloque des 7 et 8 octobre 1993*. Ed. by G. Burdeau and B. Stern. Paris: Montchrestien. P. 5–32.
27. O'Connell D.P. 1967. *State Succession in Municipal Law and International Law*. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press. 592 p.
28. Pazartzis P. 2016. La succession d'États comme moyen de régulation des relations internationales, Faut-il prendre le droit international au sérieux?. – *Journée d'étude en l'honneur de Pierre Michel Eisemann*. Ed. by S. Cassella and L. Delabie. Paris: Pedone. P. 33–40.
29. Rich R. 1993. Recognition of States: the collapse of Yugoslavia and the Soviet Union. – *European Journal of International Law*. Vol. 4. Issue 1. P. 36–65. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals/ejil.a035834>
30. Szurek S. 1998. Épilogue d'un contentieux historique:

- l'accord du 27 mai 1997 entre le gouvernement de la république française et le gouvernement de la Fédération de Russie relatif au règlement définitif des créances réciproques entre la France et la Russie antérieures au 9 mai 1945. – *Annuaire français de droit international*. Vol. 44. P. 144–166.
31. Tancredi A. 2016. In search of a fair balance between the inviolability of borders, self-determination and secession in international law. – *Law, Territory and Conflict Resolution: Law as a Problem and Law as a Solution*. Ed. by M. Nicolini, F. Palermo and E. Milano. Leiden: Brill. P. 90–104.
 32. *The Law of International Responsibility*. Ed. by J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson. 2010. Oxford: Oxford University Press. 1376 p.
 33. Tichy H. 1992. Two recent cases of State succession: an Austrian perspective. – *Austrian Journal of Public and International Law*. Vol. 44. P. 117–136.
 34. Volkovitsch M.J. 1992. Righting wrongs: towards a new theory of State succession to responsibility for international delicts. – *Columbia Law Review*. Vol. 92. No. 8. P. 2162–2214. DOI: 10.2307/1123019
- ### References
1. Blum Y.Z. Russia takes over the Soviet Union's seat at the United Nations. – *European Journal of International Law*. 1992. Vol. 3. Issue 2. P. 354–361. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/3.2.354>
 2. Bothe M., Schmidt C. Sur quelques questions de succession posées par la dissolution de l'URSS et celle de la Yougoslavie. – *Revue générale de droit international public*. 1992. Vol. 96. No. 4. P. 821–842.
 3. Chernichenko S.V. Kontinuitet, identichnost' i pravopremstvo gosudarstv [Continuity, Identity, and Succession of States]. – *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1996—1997* [Russian Yearbook of International Law, 1996–1997]. Saint Petersburg: Rossiya-Neva Publ. 1998. P. 9–44. (In Russ.)
 4. Craven C. The problem of State succession and the identity of States under international law. – *European Journal of International Law*. 1998. Vol. 9. Issue 1. P. 142–162. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/9.1.142>
 5. Crawford J. *State Responsibility: The General Part*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 906 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139033060>
 6. Crawford J. *The Creation of States in International Law*. 2nd ed. Oxford: Clarendon. 2007. 944 p.
 7. Czapliński W. State succession and State responsibility. – *Canadian Yearbook of International Law*. 1990. Vol. 28. P. 339–358.
 8. Dumberry P. Is a new State responsible for obligations arising from internationally wrongful acts before its independence in the context of secession?. – *Canadian Yearbook of International Law*. 2005. Vol. 43. P. 419–454.
 9. Dumberry P. New State responsibility for internationally wrongful acts by an insurrectional movement. – *European Journal of International Law*. 2006. Vol. 17. Issue 3. P. 605–621. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chl016>
 10. Dumberry P. *State Succession to International Responsibility*. Leiden: Martinus Nijhoff. 2007. 520 p.
 11. Eisemann P. Rapport du directeur d'études de la section de langue française du Centre. – *State Succession: Codification Tested against the Facts*. Ed. by P. Eisemann and M. Koskenniemi. Leiden: Brill. 2000. P. 4–65.
 12. Greenman K. The secret history of successful rebellions in the law of State responsibility. – *ESIL Reflections*. 2017. Vol. 6. Issue 9. URL: <https://www.esil-sedi.eu/sites/default/files/ESIL%20Reflection%20Greenman.pdf> (accessed date: 18.03.2019).
 13. Hessbruegge J.A. The historical development of the doctrines of attribution and due diligence in international law. – *New York University Journal of International Law and Politics*. 2003. Vol. 36. P. 265–306.
 14. Kamminga M.T. State succession in respect of human rights treaties. – *European Journal of International Law*. 1996. Vol. 7. Issue 4. P. 496–484. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/7.4.469>
 15. Kolb R. *The International Law of State Responsibility. An Introduction*. Cheltenham: Edward Elgar. 2017. 296 p.
 16. Koskenniemi M., Lehto M. La succession d'États dans l'ex-URSS, en ce qui concerne particulièrement les relations avec la Finlande. – *Annuaire français de droit international*. 1992. Vol. 38. P. 179–219.
 17. Kremnev P.P. Pravopremstvo gosudarstv v nekodifitsirovannykh oblastyakh [Succession of States in Uncodified Areas]. – *Moscow Journal of International Law*. 2006. No. 4. P. 37–53. (In Russ.)
 18. Kremnev P.P. Kategoriya "Rossiiskaya Federatsiya – gosudarstvo-prodolzhatel' SSSR": voprosy teorii i praktiki [Category "Russian Federation – a Continuing State of the USSR": issues of theory and practice]. – *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 2008. No. 2. P. 3–22. (In Russ.)
 19. Kremnev P.P. *Raspad SSSR i pravopremstvo gosudarstv* [The collapse of the USSR and succession of states]. Moscow: YurLitinform Publ. 2012. 192 p. (In Russ.)
 20. *La Convention de Vienne de 1978 sur la succession d'États en matière de traités: commentaire article par article et études thématiques*. Ed. by G. Distefano, G. Gaggioli and A. Héche. Brussels: Bruylant. 2016. 2082 p.
 21. Lukashuk I.I. *Pravo mezhdunarodnoy otvetstvennosti* [The Law of International Responsibility]. Moscow: Walters Kluwer Publ. 2004. 432 p. (In Russ.)
 22. Mälksoo L. *Illegal Annexation and State Continuity: The Case of the Incorporation of the Baltic States by the USSR*. Leiden: Martinus Nijhoff. 2003. 373 p.
 23. Marek K. *Identity and Continuity of States in Public International Law*. Geneva: Librairie Droz. 1968. 619 p.
 24. Milanović M. What the Kosovo advisory opinion means for the rest of the world. – *American Society of International Law Proceedings*. 2011. Vol. 105. P. 259–274.
 25. Monnier J.P. La succession d'États en matière de responsabilité internationale. – *Annuaire français de droit international*. 1962. Vol. 8. P. 65–90.
 26. Mullerson R. Law and politics in succession of States: international law on succession of States. – *Dissolution, continuation et succession en Europe de l'Est: succession d'états et relations économiques internationales: colloque des 7 et 8 octobre 1993*. Ed. by G. Burdeau and B. Stern. Paris: Montchrestien. 1994. P. 5–32.
 27. O'Connell D.P. *State Succession in Municipal Law and International Law. Vol. I*. Cambridge: Cambridge University Press. 1967. 592 p.
 28. Pazartzis P. La succession d'États comme moyen de régulation des relations internationales, Faut-il prendre le droit international au sérieux? – *Journée d'étude en l'honneur de Pierre Michel Eisemann*. Ed. by S. Cassella

- and L. Delabie. Paris: Pedone. 2016. P. 33–40.
29. Rich R. Recognition of States: the collapse of Yugoslavia and the Soviet Union. – *European Journal of International Law*. 1993. Vol. 4. Issue 1. P. 36–65. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.ejil.a035834>
30. Szurek S. Épilogue d'un contentieux historique: l'accord du 27 mai 1997 entre le gouvernement de la république française et le gouvernement de la Fédération de Russie relatif au règlement définitif des créances réciproques entre la France et la Russie antérieures au 9 mai 1945. – *Annuaire français de droit international*. 1998. Vol. 44. P. 144–166.
31. Tancredi A. In search of a fair balance between the inviolability of borders, self-determination and secession in international law. – *Law, Territory and Conflict Resolution: Law as a Problem and Law as a Solution*. Ed. by M. Nicolini, F. Palermo and E. Milano. Leiden: Brill. 2016. P. 90–104.
32. *The Law of International Responsibility*. Ed. by J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson. Oxford: Oxford University Press. 2010. 1376 p.
33. Tichy H. Two recent cases of State succession: an Austrian perspective. – *Austrian Journal of Public and International Law*. 1992. Vol. 44. P. 117–136.
34. Volkovitsch M.J. Righting wrongs: towards a new theory of State succession to responsibility for international delicts. – *Columbia Law Review*. 1992. Vol. 92. No. 8. P. 2162–2214. DOI: 10.2307/1123019

Информация об авторе**Мария Валерьевна Кешнер,**

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Российская Федерация, Казань, Кремлевская ул., д. 18

mvkeshner@gmail.ru
ORCID: 0000-0003-3649-2206

About the Author**Maria V. Keshner,**

Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of International and European Law, Kazan Federal University

18, ul. Kremlevskaya, Kazan, Russian Federation, 420008

mvkeshner@gmail.ru
ORCID: 0000-0003-3649-2206